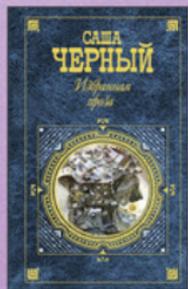


Саша Чёрный

Черт на свободе



*Часть сборника
Избранная проза*



Саша Чёрный

Черт на свободе

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4986829

Избранная проза: Эксмо; Москва; 2005

ISBN 5-699-14284-3

Аннотация

«Золотые пылинки солнца танцевали на высоких крышах вилл, на купальных будках, на голых детских спинках, на ржавой коробке из-под сардинок, которая валялась на песчаном бугре под тростником. И такое оно крепкое было, это июльское солнце, так сверкало, переливалось, искрилось, что только в темных очках можно было разгуливать по ослепительно светлому пляжу...»

Содержание

I. Бретонский курорт	4
II. Бухгалтер, который брился	7
III. Девочка и неизвестно кто	11
IV. Скандал в столовой	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Саша Чёрный

Черт на свободе

I. Бретонский курорт

Золотые пылинки солнца танцевали на высоких крышах вилл, на купальных будках, на голых детских спинках, на ржавой коробке из-под сардинок, которая валялась на песчаном бугре под тростником. И такое оно крепкое было, это июльское солнце, так сверкало, переливалось, искрилось, что только в темных очках можно было разгуливать по ослепительно светлому пляжу. Одни лишь дети и собаки не боялись солнца, и даже старый бульдог, на которого маленький мальчик примерял валявшиеся на песке теткин очки, упрямо сбрасывал их лапой наземь.

Был час отлива. Океан убрался далеко за маяк. Вдоль извилистых борозд песчаного дна синели лужицы. Взрослые и дети разрывали граблями песок, добывали съедобные, кремовые ракушки и бросали добычу в плетеные корзиночки. И когда какой-нибудь нетерпеливый мальчуган вскрывал зубчатую ракушку ножом, из створок показывался дрожащий оранжевый язычок.

Подальше по ноздреватым рифам, торчащим над травянистым дном, бродили босоногие люди и собирали «мули» —

простые, черные устрицы.

Красный маяк торчал вдали гигантским наперстком. Яхты, словно пьянчужки, лежали на боку, уткнувши длинные кили в песок: они без воды не умели стоять прямо.

На берегу, уходившем песчаным лукоморьем вдаль, копошилась детвора – лепила, строила, рыла, весело и звонко пищала. В воздухе трещали на крепких нитках разноцветные змеи: змей – бабочкой, змей – птицей, змей – этажеркой, змей – колбасой.

Собаки мчались от детей к будкам, от будок к детям. Лаяли – сообщали взрослым, что дети на месте, играют, «ужмы за ними присматриваем»... Лаяли – сообщали детям, что взрослые тут, никуда не ушли, играйте, мол, спокойно.

Фотограф снимал группу за группой в картонном пароходе с дымящейся трубой (дым был тоже картонный), и все пассажиры улыбались и смотрели прямо в аппарат, потому что каждый хотел выйти красивым и симпатичным.

Из песка прыгали вбок какие-то жизнерадостные безвредные сороконожки. Над бледно-зеленым морским хреном реяла на одном месте хрустальная стрекоза. А под хреном божьи коровки устроили клуб: сползлись на спичечную коробку головами в середину и грелись.

На молу толстый большой человек вытащил из воды сетку с одной креветкой и внимательно смотрел, как она выплясывала по дну сетки морскую мазурку.

Ветер носился сквозь решетку отельного парка к океану и

назад, шелестел в лохматой лиственнице, относил вбок змеиную колбасу, рвал из рук синеглазой девочки пестрый платочек, но девочка крепко его держала и улыбалась.

И доброе солнце, словно приветливый курортный хозяин, сияло на всех с высоты.

II. Бухгалтер, который брился

В пансионе «Жемчужная Раковина» окна выходили на широкий океан. Веселый ветер влетал в комнаты, трепал занавески и звал пансионеров на берег. Успеете в городе насидеться в комнатах! Солнце сияет, валяйтесь на песке, бегайте вперегонку с собаками, катайтесь на велосипеде, покупайте в киосках бесполезные пресс-папье и сладкие сосульки, но не сидите, как пауки, по углам, – это вредно и скучно! Здесь вам не контора, здесь вам не школа, здесь вам не салон!

Всех соблазнил ветер, только во втором этаже у открытого окна, перед которым рос старый платан, сидел француз и завязывал вокруг шеи мохнатое полотенце. Он не мог уйти со всеми гулять, он должен был побриться.

Почему он не побрился утром? Видите ли, хотя он и был бухгалтер, приехавший на две недели в гости к океану, однако и бухгалтеру приятно хоть две недели в году не быть аккуратным – попозже вставать, сидеть у окна в кресле, покуривая трубку...

А потом вдруг посмотрел в зеркало: фи! весь подбородок чертополохом оброс... Очень он быстро на свежем воздухе обрастает. И через час обед, а к обеду, кто ж этого не знает, надо выходить гладким-прегладким. Как абрикос, присыпанный пудрой.

Перед бухгалтером была расставлена на столе целая ла-

лаборатория: одеколон, мыльница, пудреница, кисточка, безопасная бритва, опасный клинок, прозрачный камень для притирания, щипчики для вырывания из уха волос, английский пластырь и еще разные другие штучки, которых мы и названия не знаем.

С чувством, с толком и с расстановкой развел он мыло, покрыл душистыми мыльными сливками пухлые щеки и подбородок. Подпер языком правую щечку, с элегантностью фокусника пробрил бритвой гладкую дорожку, вскочил, бросил бритву на блюдечко и побежал к камину.

В городе он брился в один прием, но здесь ветер задорно дул в лицо, в небе плыли легкомысленные тучки, внизу на пляже оглушительно кричали дети... Впереди свободный, океанский день... Нет! Бухгалтер тоже хотел поиграть, и так как в комнате никого не было, он стал выделывать перед каминным зеркалом такие курбеты, такие па, такие гримасы, что мухи в ужасе разлетелись с каминной доски во все стороны. Пояс на животе скрипел, легкий пиджачок, взметнув рукавами, полетел на диван, бухгалтер вошел в азарт, ничего не видел, ничего не слышал.

Уф! Он остановился, грациозно поднял с паркета выскочившую запонку и направился к столу. Нельзя же, чтобы одна щека была как атлас, а другая как терка...

Подошел к столу... и ахнул. Пудреница валялась на полу, лаборатория на столе – вверх дном... И самое главное, самое-самое ужасное и главное: кисточка и безопасная бритва

исчезли!

Ветер? Но стальная бритва и кисточка с тяжелой черепаховой ножкой по воздуху не летают. Ведь письмо от племянника и счет от прачки на столе, а они – бумажные... И увесистую никелевую пудреницу тоже не так просто сдуть на пол...

Он выглянул за окно – в саду никого. Заглянул под стол – никого. Под кроватью – никого. Высунул быстро нос в коридор – никого!

Тогда он стал звонить: один короткий звонок, два коротких, три коротких, один – бесконечный.

Прибежал желтоволосый коридорный мальчик, остроносая горничная, хромой старый лакей и сама хозяйка с салатником в руках, похожая на тыкву на высоких каблучках, завернутую в лиловое кимоно.

Никогда еще ни один постоялец не давал сразу столько условных звонков. Что случилось?!

Бухгалтер как бешеный налетел на весь персонал, вставить слова никому не позволил.

– Безобразие! Спиритические сеансы среди бела дня!.. Одна половина – бритая, другая – силь ву пле!.. Как я выйду к обеду? Чтоб сейчас же были на месте и бритва и кисточка! Это фамильная кисточка, чистый барсучий волос, на черепаховой ножке серебряный герб! Чтоб нашлись! Сейчас же пропечатаю в курортной газете!

И все ахали, охали, лазили под стол, стучались головами,

заглядывали под диван и в камин, чихали, но ничего не нашли...

Мыльная пена на левой щеке бухгалтера тем временем высохла, сквозной ветер сдул ее и, как легкое облачко, закружил по паркету, но взволнованный бухгалтер даже и не заметил этого.

III. Девочка и неизвестно кто

Рядом с «Жемчужной Раковиной» грелась на солнце сияющая вилла «Чайка».

Балкон густо зарос глициниями, так густо, что мохнатый шмель, забравшийся в чашу светло-зеленых веток, сердито гудел и никак не мог выбраться оттуда. Воробей присел на перила и удивленно склонил голову набок: где гудит? Кто гудит?..

Дама в васильковом халатике покачивалась в качалке в своей спальне и прислушивалась. С кем это разговаривает на балконе ее дочка, маленькая Фло? Должно быть, сын прачки, пятилетний Жорж, пришел к Фло в гости... Он всегда так проскользнет в дверь, что и не заметишь. Как пушинка на сквозном ветру.

Фло, тихая и добрая девочка, должно быть, показывала ему свои игрушки.

– Вот это паяц. Он может сидеть и может лежать. А стоять не может, потому что у него мягкие ножки. Не бери, пожалуйста, стеклянных шариков в рот, это очень опасно. Один мальчик проглотил и потом всю жизнь кашлял. Выплюнь, пожалуйста... Зачем ты держишь картинку кверху ногами?

– С кем ты там разговариваешь, Фло? С Жоржем? Пришли его ко мне, я ему дам орехового печенья...

Но Фло, должно быть, не расслышала и продолжала ожив-

ленно болтать:

– Ах, какой ты непослушный! Раскрой ручку, что у тебя там такое? Да раскрой же! Кисточка? О, какая хорошенькая... Дай мне, я тебе плюшевую собачку подарю за это. Спасибо. Да ты мамину туфлю не соси, пожалуйста, что это за манеры такие...

Дама рассмеялась.

– Что ты, Фло, болтаешь такое? Неужели Жорж мою туфлю сосать станет...

Но Фло обиженно ответила с балкона:

– Ну конечно, сосет. Вот я его сейчас приведу, ты увидишь. И вовсе он не Жорж, а другой... Пойдем к маме! Вставай. Что же ты упираешься, глупый? У меня мама добрая, и раз ты пришел в дом, надо познакомиться с мамой. Фи, какой невоспитанный!

«Вечно эта Фло что-нибудь такое придумает, – подумала дама, закрывая глаза. – Совсем затормошит мальчишку...»

На подоконник присел воробей. О! Дама заснула и уронила ореховое печенье. Боком-боком, осторожно подобрался к бисквиту и только хотел клюнуть – на балконе раздался отчаянный визг. Воробей с разгону налетел на зеркало, оттуда наскочил на умывальник, зачерпнул крылом воды и кубарем за окно.

Дама широко раскрыла глаза... Кто там кричит на балконе? Фло? Уж не Жорж ли ее обидел? Да ведь он каплюшка, перед кошкой и то робеет...

– Отдай мишку, слышишь! Зачем ты ему ручки выворачиваешь? Гадкий! Не хочу с тобой играть... Отдай мишку! Он разорвал мишкину блузку! В мелкие кусочки... Мама! Он похищает, похищает ми... Мама!

Дама побежала на балкон. Господи, целый месяц играли, никогда ссор не было...

Посреди балкона стояла маленькая Фло, топотала ножками в красных туфельках, грозила кулачком разросшейся над балконом глицинии и тоненько визжала, обливаясь слезами. Больше на балконе никого не было.

– Что такое? Кто отнял мишку? Где Жорж?..

Девочка еще сильнее затопотала ножками, но ни одного слова сказать не могла, слезы мешали, и только покрутила во все стороны бантом.

– Не Жорж? Ничего не понимаю! Откуда у тебя эта кисточка?! Кисточка для бритья, с монограммой... Да успокойся же. Фло, скажи мне, кто здесь был, с кем ты разговаривала? Фло?

Но в это мгновение над их головами в глицинии что-то зашумело-зашуршало, и вдруг с крыши пролетела мимо перил черепица и гулко хлопнулась вниз о плиты подъезда. Дама дико вскрикнула, схватила плачущую девочку за руку и втащила ее в комнату.

IV. Скандал в столовой

Пансионская кошка вышла с веранды в столовую «Жемчужной Раковины» и умильно посмотрела на длинный стол. Чистота какая! Вдоль всего стола свежая, крахмаленная простыня (кошка не знала, что простыня и скатерть не одно и то же)... Салфетки, как сахар, – стоят горками между приборами... Неужели люди решатся такую красоту измять и скомкать? Цветочки в граненых столбиках: розовая гвоздика, лимонного цвета мимоза, и в больших вазах сухие сиреневые цветочки, что растут вдоль тощих полей, откуда морскую соль добывают. Кошке все ведь известно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.